

Юго-Западной Африки, полинезийцев, индейцев Северо-Западной Америки, глинянок и др. Многочисленные находки круглой деревянной, костяной и каменной скульптуры известны из многих неолитических стоянок и могильников в СССР: Горбуновский торфяник, Олений остров, Сарнатэ, стоянки Прибайкалья и др. Вообще следует отметить, что отечественные археологические и этнографические факты и наблюдения использованы М. О. Косвенем в своей книге совершенно недостаточно.

Надо надеяться, что автор в последующем издании этой книги введет в нее необходимые поправки и дополнения, а также снабдит ее иллюстрациями, которые особенно желательны в книге популярного характера.

А. Брюсов

*

За последнее время в советской науке о первобытном обществе назрел значительный круг вопросов, требующих пересмотра, развития или уточнения на основе вновь накопленного обширного фактического материала. Между тем в последние годы в нашей литературе наблюдался недостаток внимания к вопросам первобытной истории. Археологи сделали ряд новых открытий, добыли большой и интересный материал, однако мало сделали для разработки общей проблематики истории первобытного общества. Этнографы, правильно выдвинув на первый план наиболее актуальную тематику современности, перестали уделять должное внимание «традиционному» для этнографии кругу проблем первобытно-общинного строя. Недостаточно развевывалась работа по разоблачению реакционной буржуазной науки и борьба против антимарксистских, в частности марксистских, извращений в области первобытной истории.

Советский читатель, студенчество, работники школ, музеев и т. п. давно не имеют надежного общего руководства по истории первобытного общества. Одни из таких руководств безнадежно устарели, другие, как учебник В. И. Равдоникаса, оказались неудовлетворительными уже в самый момент своего появления.

Вот почему выход в свет рецензируемой книги — обобщающего научно-популярного труда по истории первобытной культуры — является заметным событием в области науки о первобытном обществе и смежных исторических дисциплинах — этнографии и археологии.

«Очерки истории первобытной культуры» М. О. Косвена охватывают широкий круг вопросов, начиная временем становления человека и кончая периодом разложения первобытно-общинного строя и возникновения классовых обществ. В книге в достаточной мере подробно сообщаются основные сведения по антропогенезу, развитию первобытного производства и общества, материальной и духовной культуры. Большим достоинством книги является то, что эти сведения органически связаны между собой: по сути дела, перед нами не очерки, а всестороннее и систематическое руководство по истории первобытной культуры в самом широком смысле этого слова.

Рецензируемая книга содержит весьма значительный фактический материал. Свои положения автор, как правило, подкрепляет и иллюстрирует данными археологии и этнографии, причем последние, следует подчеркнуть, в подавляющем большинстве случаев используются методологически правильно.

Базируясь на учении классиков марксизма-ленинизма, автор последовательно показывает беспомощность буржуазной науки, разоблачает ее псевдонаучные измышления и реакционную политическую направленность. В этом, как и в разоблачении антимарксистских домыслов Н. Я. Марра в области первобытной истории, второе большое достоинство рецензируемой книги.

В соответствии со сдвигами, происшедшими в советской науке о первобытности, автор по-новому освещает некоторые узловые вопросы истории первобытного общества. Таковы членение палеолита на две, а не на три стадии, отказ от «биологической» трактовки происхождения экзогамии, принципиально важное уточнение представлений о сущности матриархата, в котором М. О. Косвен правильно, на наш взгляд, различает две стадии: ранний матриархат, характеризующийся равноправным положением жен-

щины и мужчины и являющийся универсально-историческим этапом в развитии человечества, и поздний матриархат, характеризующийся общественным преобладанием женщины и наступающий лишь при определенных конкретно-исторических условиях.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что книга М. О. Косвена хорошо написана. Язык ее весьма своеобразен, но вместе с тем чрезвычайно доступен и точен. В этом также немалое достоинство научно-популярной книги. Нет сомнений в том, что рецензируемая книга будет встречена читателем с заслуженным интересом и принесет ему большую пользу. Но книга не свободна и от недостатков, на которых мы преимущественно и сосредоточим свое внимание.

Основным, на наш взгляд, недостатком рецензируемой книги, недостатком, отражающим крупный пробел в развитии советскими этнографами науки о первобытности, является то обстоятельство, что автором не показано развитие производственных отношений в первобытном обществе, иными словами — развитие форм первобытно-общинной собственности.

Основу главных этапов первобытно-общинного строя составляют определенные экономические отношения, которым соответствуют определенные формы собственности. Без выяснения специфики этих отношений и форм нельзя объяснить самой сущности рассматриваемых этапов — матриархата и патриархата, объяснить основные причины их генезиса. Историки первобытности, конечно, правы, когда они ищут корни матриархата и патриархата в росте производительных сил и в характере разделения труда между полами. Но при этом нельзя игнорировать столь важный фактор, как характер производственных отношений, формы собственности. Сущность матриархата может быть понята до конца лишь в том случае, если учесть, что собственность на средства производства была родовой, а род при групповом браке не мог не быть материнским. Переход от матриархата к патриархату будет в полной мере понятен лишь в том случае, если учесть, что на этой стадии родовая собственность на землю разлагается и складывается отдельная собственность семей, превращающихся в основную экономическую ячейку общества.

Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» обращал внимание на эту сторону дела. Говоря о переходе к патриархату, Энгельс писал: «... Богатства, поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей (разрядка моя — А. П.) и быстро у них умножились, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде»¹. Это ясное указание, как и общие указания классиков марксизма-ленинизма о роли форм собственности, все еще остается неразвитым.

Нам представляется, что автор старался опустить наиболее острые и сложные вопросы первобытной истории. Это обстоятельство бросается в глаза уже во введении. Редко, кто в нашей стране не знаком с классическим трудом Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; не только специалисты знают, что Морганова периодизация истории первобытного общества была доработана и принята Энгельсом — «...до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения...»². Однако автор, предлагая новую периодизацию, ни словом не обмолвился о своем отношении к периодизации Морган — Энгельса, о ее достоинствах и недостатках, о причинах, побуждающих ее уточнить и изменить. Автор не отметил и того обстоятельства, что предлагаемая им периодизация (самый ранний период — матриархат — патриархат — военная демократия) все же не является общепринятой, что разработка советскими учеными периодизации первобытной истории еще не закончена, что истине, может быть, еще предстоит родиться в процессе дальнейших научных обсуждений. В книге не говорится о спорности определения патриархата как одного из основных этапов первобытно-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, ГИИЛ, 1950, стр. 55.

² Там же, стр. 20.

общинного строя, о проблеме кровнородственной семьи, о ряде других не решенных еще до сих пор проблем первобытной истории.

Нами уже отмечалось, что в рецензируемой книге освещены все стороны первобытной культуры. Поэтому особенно жаль, что автор полностью опустил правственные представления первобытности. Только в конце книги, характеризуя распад первобытно-общинного строя, М. О. Косвен говорит о возникновении обычного права; весь предыдущий период, таким образом, оказывается лишенным одной из основных форм общественного сознания — системы нравственных представлений. В соответствии с этим и возникновение кровной, родовой мести неверно отнесено автором к самому концу первобытности (стр. 193).

Остановимся на некоторых вопросах, имеющих более частный характер.

В книге в отдельных случаях преувеличиваются культурные достижения первобытности. Так, например, на стр. 69 говорится, что «уже в первобытную эпоху в различных странах и различными племенами были выведены из местных диких видов почти все культурные растения, которыми питается и которые в иных направлениях использует современное человечество», и что эти культурные растения «в последующие времена человек смог дополнить в сущности весьма незначительным образом!» Подобные преувеличения, граничащие с идеализацией первобытной культуры, в работе нередки.

Несколько односторонне характеризуется сущность религии. «Религия есть незнание, есть бессилие человека. Чем больше развиты производительные силы, чем больше развит труд, чем больше развито знание, тем меньше остается места для человеческого бессилия, для религии» (стр. 142).

Все это верно, если добавить, что в классовом обществе религия поддерживается и используется эксплуататорскими классами для упрочения своего господства; иначе у не вполне подготовленного читателя создается представление, что с развитием труда и знаний, например, при капитализме, религия сама отмирает. Односторонне характеризуется и первобытное искусство, определяемое как «форма выражения связанных с трудовой деятельностью человека восприятий, чувствований, настроения и мысли» (стр. 152). Первобытное искусство — не только форма выражения, но и способ познания мира, передачи опыта, воспитания и тренировки; без этого выражение восприятий превратилось бы в самоцель. Следует отметить также, что автор допускает грубейшую ошибку, относя к формам идеологии язык и мышление (стр. 152).

Нельзя согласиться с автором в проводимом им противопоставлении земледельческой и скотоводческой культур. «Развитие и дифференциация этих отраслей приводит в конечном счете к их более или менее полному разделению. Отныне возникают два, на долгое время остающихся различными и в известной мере расходящимися, пути развития хозяйства и вместе с тем всей культуры, два исторических типа культуры — земледельческий и скотоводческий» (стр. 178). Та же мысль проводится на стр. 201. В действительности между культурами земледельцев и скотоводов, а равно их обществами, нет пропасти, нет «полного разделения». Историко-этнографическое изучение народов Средней Азии, Северной Африки, Аравии показывает, что оседлое и кочевое население всегда было теснейшим образом связано в хозяйственном, общественном и культурном отношении; общеизвестен факт не только непрерывного перехода кочевников к оседлости, но и встречного процесса номадизации оседлого населения; общеизвестно, наконец, широкое распространение полуседлых-полукочевых культурно-хозяйственных форм. Именно эту тесную взаимосвязь кочевой и оседлой культур, а не их «полное разделение», следовало подчеркнуть автору.

Автор указывает, что в кочевых скотоводческих обществах распад первобытно-общинных отношений идет быстрее, чем в земледельческих (стр. 201), и в то же время, что классовый строй и государство раньше возникают у земледельческих народов (стр. 208). Это общее положение несомненно правильно, но, будучи внешне противоречивым, требует специального (и не легкого) объяснения, которого в книге нет.

Нельзя согласиться с автором также в том его утверждении, что в земледельческих обществах первой исторической формой частной собственности была собствен-

ность на землю (стр. 186); факты показывают, что в частную собственность раньше переходят орудия производства, тягловый скот, семенной фонд, рабы и только затем, как правило в последнюю очередь, земля. В связи с этим необходимо отметить произвольное толкование автором известного высказывания Маркса о земельной общине. Маркс, говоря о дуализме земельной общины, указывал, что внутри ее частной собственностью являются дом и его приделок — двор; общинной, периодически переделываемой собственностью — пахотная земля¹. Между тем автор видит этот дуализм в другом: «В то время как часть земли, а именно усадебная и пахотная земля, составляет частную собственность, земли, менее интенсивно эксплуатируемые, как сенокосы, выгоны, пастбища и разные угодья, остаются в коллективном владении и пользовании всей общины» (стр. 199). Очевидно, что двор и пахотная земля — не одно и то же.

В книге имеются отдельные промахи, недостатки, редакционные оплошности, особенно нежелательные в научно-популярном издании. Бронзовый век на юге Европы длился не до начала II тысячелетия, как говорится в книге (стр. 171), а по крайней мере до начала I тысячелетия. Говоря о том, что «возникновение человека — единственное и неповторимое событие в истории органического мира» (стр. 12), следовало указать, что речь идет только о Земле и только в ее историческом прошлом. Весьма сомнительно (если признавать, что антропогенез совершался на значительной территории Старого Света, а не в одной «точке»), чтобы «шелльский ударник в самом первоначальном своем виде был по-своему гениальным изобретением одного индивида» (стр. 22).

В книге немало небрежных формулировок. Вряд ли можно признать удачным такое выражение, как «значительная часть человечества самостоятельно так и не дошла до цивилизации и классового строя, оставшись в состоянии большей или меньшей отсталости» (стр. 3, то же на стр. 4); известно, что именно эту «несамостоятельность» обычно подчеркивают колонизаторы всех мастей. Неудачны выражения «дар мышления и речи» (стр. 24) или же «скачок из первобытности в цивилизацию» (применительно к обучению в колониальных школах — стр. 140). Вряд ли следует пользоваться в отношении коренного населения Африки термином «негры» не в антропологическом, а в этническом смысле (стр. 131, 174 и мн. др.) или же термином «тюркские народы» (вместо тюркоязычные — стр. 189).

К числу внешних, но весьма заметных в научно-популярной книге недостатков относится и полное отсутствие как иллюстративного материала, так и списка рекомендуемой читателю литературы.

Отмеченные недостатки и недочеты носят по преимуществу частный характер и могут быть без особого труда устранены в следующем издании книги. Нужно надеяться, что в последующем издании будут восполнены и те существенные пробелы, которые отмечены выше.

А. Першиц

М. С. БОДНАРСКИЙ, Античная география. Книга для чтения.
М., Географгиз, 1953, 368 стр., тираж 15000 экз., цена 13 р. 20 к.

«Античная география», составленная проф. М. С. Боднарским, представляет собой хрестоматию отрывков из произведений самых различных древнегреческих и латинских авторов, отобранных по принципу содержания в них географических описаний. В хрестоматию включены также и отрывки из географических работ в собственном смысле этого слова. Отрывки из произведений составитель дает с соблюдением хронологической последовательности, предпосылая им краткие, типа аннотаций, вводные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 680 (Черновики писем к Вере Засулич).